

Офицер ЦРУ,
«Дягилев антисоветской культурной пропаганды
США»

Михаил Иоссельсон

(2.3.1908 г., Тарту – 7.1.1978 г., Женева)

Перевод с английского Рут Брашинской

Краткая биография

**основанная на биографическом наброске из центра Harry Ransom
Техасский университет в Остине**

Михаил Иоссельсон родился 2 марта 1908 г. в Тарту, Эстония. Его отцом был торговец древесиной, купец первой гильдии Мордхе (Мордехай) Иоссельсон из г. Шауляй, Литва.

Во время русской революции Мордхе Иоссельсон перевез свою семью в Берлин.

Закончив начальную школу в Эстонии, Михаил стал учиться в средней школе в Берлине (с 1920 по 1927 гг.). С 1927 по 1928 гг. он по одному году учился в Берлинском университете и университете Фрейбурга. Потом он оставил учебу и стал работать в берлинском офисе сети универмагов Гимбел-Мэй.

Иоссельсон свободно владел немецким, русским, французским и английским языками.

К 1935 г. он начал искать возможность покинуть нацистскую Германию, он был повышен в должности и стал менеджером парижского офиса братьев Гимбел. Он работал настолько успешно, что в 1937 г. вместе со своей женой-француженкой Колеетт иммигрировал в США, чтобы в Нью-Йорке занять пост директора всех европейских офисов Гимбел.

В 1941 г. они стали жить с женой раздельно. Она осталась в Нью-Йорке, он же переехал в Питтсбург. Позже в 1949 г. они оформили развод. В 1942 г. Иоссельсон получил американское гражданство и в 1943 г. был призван в армию.

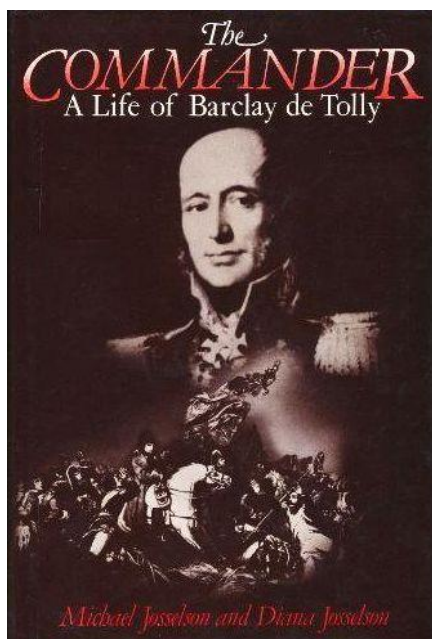
В армии Иоссельсон обучался военной разведке и был назначен переводчиком в информационном подразделении в Европе. В 1946 г. он демобилизовался в звании

старшего лейтенанта, хотя оставался вплоть до 1950 г. в резерве в качестве офицера военной разведки.

С 1946 по 1949 г. Иоссельсон работал атташе по культуре в американском военном департаменте при военной комендатуре в Берлине. С 1949-1950 гг. - в офисе по связям с общественностью Государственного департамента при верховном комиссаре США в Германии. Он отвечал за «де-нацификацию» известных немецких интеллектуалов и руководителей, а также за редактирование и распространение изданий антикоммунистической пропаганды. Именно в течение этого периода Иоссельсон предположительно стал сотрудничать с Центральным разведывательным управлением США (ЦРУ).

Иоссельсон покинул Государственный департамент в 1950 г., чтобы помочь в управлении недавно созданным Конгрессом культурной свободы (ККС), либеральной, антикоммунистической организации, основанной американскими и европейскими интеллектуалами для разоблачения зажима культуры коммунистами и противостояния всем формам тоталитарного правления.

В 1966 г. серия публикаций разоблачила связи ККС с ЦРУ, что привело к уходу Иоссельсона с поста исполнительного директора и роспуску ККС в 1967 г.

В начале 1970-х гг. Иоссельсон начал обширное исследование с целью написания биографии русского генерала наполеоновской эпохи Баркляя де Толли.

Измученный проблемами здоровья, он полагался на помощь в исследованиях и печатных работах. В основном эту помощь оказывала его вторая жена, Диана Додж Иоссельсон.

Михаил Иоссельсон умер в Женеве 7 января 1978 г. после операции на сердце. Он переехал в Швейцарию в 1961 г. для лечения проблем с кровообращением и перенес несколько операций. Ко времени его смерти рукопись книги «Командир: Жизнь Баркляя де Толли» была закончена, за исключением библиографии и указателя. Вскоре Диана Иоссельсон закончила книгу, и она была опубликована в 1980 г. Оксфордским университетским издательством.

Из книги Френсис Стопор Сандерс «Холодная война в культуре: ЦРУ и мир искусств». The New Press, 2000.

«Для одного офицера-разведчика было абсолютно неприемлемым заполнение бесконечных форм для расследования наследства нацистского режима. Михаил Иоссельсон поступал по-другому. «Я не знал Иоссельсона, но я слышал о нем», -

вспоминал философ Стюарт Хэмпшир, который в то время работал на МІБ в Лондоне в Лондоне. – О его репутации было известно всей европейской разведывательной братии. Он умел улаживать любые дела. *Любые*. Если тебе надо было перейти русскую границу, что было практически невозможно, Иоссельсон мог это устроить. Если тебе нужен был симфонический оркестр – Иоссельсон мог устроить и это».

Разговаривая бегло и без акцента на четырех языках, Михаил Иоссельсон высоко ценился в среде американских оккупационных офицеров. Более того, он знал Берлин как свои пять пальцев. Он родился в Тарту, Эстония, в 1908 г. в семье еврейского торговца древесиной. В Берлин впервые приехал в начале 1920-х гг., вращался в кругах прибалтийской диаспоры, последовавшей после революции 1917 г. Большинство его близких родственников были убиты большевиками, поэтому возвращение в Тарту стало невозможным. Он стал членом того поколения мужчин и женщин, которое Артур Кёстлер назвал «отбросами земли», людьми, чьи жизни были сломаны двадцатым веком, чьи связи с родными местами были прерваны. Иоссельсон посещал Берлинский университет, но бросил его, не получив диплома. Он стал работать в системе универмагов Гимбел-Сакс закупщиком, став их представителем в Париже. В 1936 г. он эмигрировал в Штаты и вскоре получил американское гражданство.

Кадр из фильма Лене Берг «Человек на заднем плане»

В 1943 г. Иоссельсон был призван в армию. Его европейское прошлое делало его очевидным кандидатом как для разведывательной работы, так и для работы на психологическом фронте. Соответственно он был назначен в разведывательный отдел психологического военного дивизиона в Германии, где он вошел в специальную команду из семи человек, занимавшуюся допросами (эта команда называлась «боевая группа Розенберга» по имени ее руководителя капитана Альберта Г. Розенберга). В задачу команды входили еженедельные допросы сотен немецких заключенных, и главной целью было быстро отделить фанатиков-нацистов от не нацистов, ложь от правдивых ответов,

многоречивых людей от косноязычных. Уволившись из армии в 1946 г., Иоссельсон остался в Берлине в американской военной комендатуре в качестве культурного атташе, а затем офицером по общественным связям при Государственном департаменте и Американской высшей комиссии. В этой должности его назначили «изучать персонал» немецкой прессы, радио и развлекательных СМИ, работа которых была приостановлена «в ожидании изгнания нацистов».

В этот же отдел был назначен Николай Набоков¹, русский белый эмигрант, который жил в Берлине до эмиграции в США в 1933 г. Высокий, привлекательный, экспансивный Набоков непринужденно и с шармом заводил друзей (и жен). В течение 1920-х гг. его квартира в Берлине стала центром эмигрантской культурной жизни, интеллектуальным гуляшом писателей, ученых, художников, политиков и журналистов. Среди этой космополитической группы изгнанников был и Михаил Иоссельсон.

В середине 1930-х гг. Набоков уехал в Америку, где написал (совместно с Арчибалдом Маклишем), как он скромно назвал, «первый американской балет» *Union Pacific* «Мирный союз». Некоторое время он жил в Нью-Йорке в небольшой студии вместе с Анри Картье-Брессоном; у обоих не было денег. Набоков позже писал, что «коммунистическое движение для Картье-Брессона было носителем истории, будущего человечества... Я разделял многие его взгляды, но, несмотря на гложущую меня тоску по родине, я не мог ни принять, ни поддерживать страстно-коммунистические позиции многих западноевропейских и американских интеллектуалов. Я чувствовал, что они словно слепы относительно реальностей русского коммунизма и реагируют только на волны фашизма, затопляющие Европу в преддверии депрессии. В определенной мере я чувствовал, что страстный-коммунизм середины 30-х годов – дело преходящее, умело подпитываемое мифом о русской большевистской революции, распространяемым советским агитпроповским аппаратом».

В 1945 г. вместе с У.Х.Оденем и Д.К.Гэлбрейтом Набоков стал работать в отделе нравственности в подразделении по изучению американских стратегических бомбардировок в Германии, где он вошел в контакт с военными психологами и впоследствии получил работу в отделе информационного контроля вместе со своим старым знакомым Михаилом Иоссельсоном. Так как Набоков был композитором, его определили в музыкальную секцию, где он должен был «придумать хорошие психологические и культурные средства, при помощи которых можно было бы уничтожить нацизм и пробудить настоящую тягу к демократической Германии». Его задачей было «изгнание нацистов из немецкой музыкальной жизни и предоставление прав заниматься их профессией тем немецким музыкантам, кто, по нашему мнению, был «чистыми» немцами, и контроль программ немецких концертов с целью предотвращения

¹ Двоюродный брат знаменитого писателя Владимира Набокова [MR]

превращения их в националистические манифестации». Представляя Набокова на вечеринке, один американский генерал сказал: «Он знает все о музыке и говорит фрицам, что с ней делать».

Иоссельсон и Набоков были близкой по духу, хоть и непохожей парой. Набоков был эмоционально экстравагантен, умел показать себя и всегда опаздывал; Иоссельсон был сдержанным, благородным, щепетильным. Но они разговаривали на одном языке изгнанников, причастных к новому миру, Америке, которую они считали единственным местом, где будущее старого мира может быть безопасным. Драма и интрига послевоенного Берлина привлекала чем-то обоих мужчин, давая им возможность проявить свои таланты в качестве исполнителей и новаторов. Вместе, писал позже Набоков, они «преуспели в охоте на нацистов и отстранили от работы нескольких известных дирижеров, пианистов, певцов и некоторое число оркестровых музыкантов (большинство из которых заслуживали этого)». Часто идя против официального мнения, они прагматично смотрели на де-нацификацию. Они отказывались принимать тот факт, что деятельность артистов в нацистской Германии рассматривалась как своего рода феномен, суждение, оценка создавались на основе данных анкеты. «Иоссельсон искренне верил, что роль интеллектуалов, оказавшихся в очень тяжелой ситуации, не должна определяться мгновенно», - объяснял позже коллега. – «Он понимал, что нацизм в Германии был смешанным гротеском. Американцы в целом этого не понимали. Они просто указывали пальцем».

В 1947 г. объектом особого осуждения был дирижер Вильгельм Фуртвенглер. И хотя он открыто выступил против навешивания ярлыка «дегенерат» на Пауля Хиндемита, позже к обоюдной выгоде стал поддерживать нацистский режим. Фуртвенглер был назначен государственным советником Пруссии, занимал другие высокие посты под эгидой нацистов и продолжал дирижировать Берлинским филармоническим оркестром и Берлинской государственной оперой все годы Третьего рейха. К декабрю 1946 г., через полтора года после того, как его дело рассматривалось союзнической контрольной комиссией, дирижер должен был предстать перед трибуналом для артистов в Берлине. Дело слушалось два дня. Результат был неопределенным, и трибунал держал его дело в течение месяцев. Потом, неожиданно, Фуртвенглер узнал, что союзническая комендатура оправдала его, и ему позволили дирижировать Берлинским филармоническим оркестром 25 мая 1947 г. в реквизированном американцами дворце «Титания». Среди бумаг Михаила Иоссельсона есть записка, которая касается его участия в деле «нападок» (как говорили посвященные) на Фуртвенглера. «Я играл большую роль в том, чтобы уберечь великого немецкого дирижера Вильгельма Фуртвенглера от позора процесса де-нацификации, хотя он никогда не был членом нацистской партии», - писал Иоссельсон. Этот маневр был достигнут с помощью Набокова, хотя годами позже они оба темнили по поводу деталей этого дела. В 1977 г. Набоков спросил Иоссельсона: «Помнишь ли ты приблизительную дату приезда Фуртвенглера в Восточный Берлин, когда он на пресс-конференции угрожал переездом в Москву, если *мы* тотчас же не оправдаем его?» «Кажется, я помню, что ты имел отношение к его переезду из советского сектора, не правда ли? Я помню, что генерал Маклур (начальник отдела информационного контроля) был тогда в ярости по поводу поведения Фуртвенглера...»

Кадр из фильма Лене Берг «Человек на заднем плане»

Где находится Эстония?

Рукописные наброски статьи Михаила Иоссельсона.

Harry Ransom Center, Техасский университет в Остине

«Кому-нибудь вопрос может показаться абсурдным. У них я прошу прощения. Но все же вопрос закономерен, и мой опыт тому подтверждение. Простое упоминание того, что я родился в Эстонии, порождает несколько секунд стеснительного молчания, за которым неизбежно следует: «О, правда?» Или есть еще вариант, который поражает меня еще сильнее и даже унижает. Это когда следует квази-осведомленное «ты, значит, из Риги?», сопровождаемое взглядом узнавания. Это вообще не имеет никакого смысла. Более того, тут нельзя просто пожать плечами, а надо немедленно начать просвещение. Может быть, проще всего отделить Ригу от Эстонии поможет утверждение о том, что Рига – родина шпрот, маленьких копченых селедочек, в то время как столица Эстонии Таллинн – родина другой маленькой рыбки, более соленого типа анчоусов, которая называется «к и л ь к а».

«...Бедная, угнетенная Эстония, земля людей, которые с почти доисторических времен были самыми сильными среди балтийско-финского люда. Нет, у Риги нет ничего общего с Эстонией, несмотря на то, что трон тевтонского епископа пытался покорить эстонцев (...) христианство, что было началом семивекового порабощения и страданий. Тевтонские ордены, датчане, поляки, шведы, русские, немцы повелевали тобой, пока в 1919 г. ты не вернула свою независимость и процветала в течение 21 года. Самым замечательным твоим достижением, возможно, является твой радующий слух язык, связанный корнями с финским и венгерским языками. В 1940 г. ты трагически пала жертвой очередного обращения в другую веру, которое пришло на этот раз с востока и сделало тебя одной из советских социалистических республик. Траурный черный цвет на твоём флаге символизирует твою историю. Траурный черный находится между синевой Балтийского моря сверху и белизной капитуляции внизу...»